

УДѢЛЪ НЕОФФІЦІАЛЬНЫЙ.

О не состоятельности естественной религіи въ дѣлѣ нашего спасенія.

(Окончаніе). (1)

III. Впрочемъ всеблагій Творецъ не далеко отъ каждаго изъ насъ (Дѣян. 17, 27). Невидимая бо Его—приспосужающая сила и божество (Рим. 1, 20) изъ вѣка въ вѣкъ видима не только въ природѣ вѣшней (Пс. 18, 2—5. Прем. 13, 15. Дѣян. 14, 15, 17), но и во внутренней—въ духѣ нашемъ. (Рим. 1, 19; 2, 15).

Сколько представляется въ видимомъ мірѣ явленій, и всеѣ они могутъ выплывать безсмертный духъ нашъ отъ видимаго къ незримому и, такимъ образомъ, содѣйствовать къ единенію съ Богомъ! Но кто изъ неозаренныхъ свѣтомъ откровенія пойметъ этотъ возвышенно таинственный языкъ природы, которымъ *день дни отпрыгаетъ глаголъ и ночь ночи возвышаетъ разумъ* (Пс. 18, 3)? Чье око *невыскашившихъ ильмии Бога въ разумъ* (Рим. 1, 28) прочтетъ славу Божию, столь ярко сияющую на тверди небесной (Пс. 18, 1—5)? И мы видѣли, что *міръ своею мудростію не позналъ Бога—въ премудрости Божіей* (Кор. 1, 26).

Неоспоримо и то, что въ нашей внутренней природѣ есть непреодолимое влеченіе къ истинѣ, добру и блаженству. Между тѣмъ совершеннѣйшей истины, высочайшаго добра и чистѣйшаго блаженства не находимъ нигдѣ мы. Искать свѣта истины и осязать тьму, желать добра и встрѣчать непреодолимыя препятствія на пути къ нему, не находить въ себѣ силъ, чтобы не погрязнуть въ пучинѣ страстей, стремиться, наконецъ, съ открытымъ и жаждущимъ сердцемъ къ блаженству и на каждомъ шагѣ встрѣчать непріятности, печали и грусть безотрадную: вотъ что составляло и составляетъ доселѣ удѣлъ чловѣка, оставленнаго собственному подительству! Откуда-же этотъ *мъзъ* законъ въ членахъ нашихъ, *противоходящій закону ума нашего и нлъняющій его закономъ гръховнымъ* (Рим. 7, 23)? Отъ чего *не живемъ въ насъ добро?* *Еже бо хотѣти прилежитъ намъ, но еже содѣлати добро, не обретаемъ* (Рим. 7, 18)? Отъ чего теперь каждый искушается, увлекается и обольщается собственно похотію (Іак. 1, 14)? При-

(1) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. № 11 и 12.

томъ и слово Божіе (Іов. 14, 45. Пс. 5, 7. Іоан. 3, 6. Рим. 5, 12, 18—19) и собственный нашъ опытъ показываютъ, что мы не сами только собою начинаемъ грѣшить, а рождаемся уже съ наклопностью къ грѣху; эта наклопность сама влечетъ къ злу и служитъ орудіемъ искушеній. Отъ чего же такое неправильное отношеніе между чувственною и духовною нашею природою?—Всѣ существа неодушевленные и неразумныя вполнѣ достигаютъ своего развитія и находятъ на землѣ все нужное для удовлетворенія естественнымъ своимъ потребностямъ; а человекъ, этотъ царь, превознесенный надъ всѣмъ видимымъ созданіемъ и назначенный возносить къ престолу Всевышняго жертву хвалы и благодаренія, одинъ только живетъ и дѣйствуетъ вопреки своему назначенію и, нося въ груди небесныя надежды, съ вѣчною жаждою вѣчнаго блаженства, погребаетъ ихъ въ могилѣ! *Что сіе еже о насъ бысть таинство? Како потемнѣ злато, измѣнися сребро доброе, како спадѣ вселелпный вѣнецъ съ главы нашея* (Плач. Іер. 4, 1; 5, 15)? *Благов Господь всяческиихъ и щедроты Его на оствѣхъ дѣлъхъ Его* (Пс. 144, 9): быть-же не можетъ, чтобы Онъ, всеблагій и премудрый, былъ виновникомъ такого въ насъ неестественнаго превращенія. И такъ, на отрѣкаясь отъ здраваго смысла, мы должны сознаться, что человекъ, какъ существо свободное, имѣющее волю стремиться къ соединенію съ Богомъ и не стремиться, самъ былъ причиною настоящаго своего состоянія, и что это состояніе ему неестественно.

Нужно-ли говорить, послѣ этого, что такъ называемая естественная религія, какъ религія, основанная на ослабленныхъ—поврежденныхъ—силахъ человека, не можетъ поднять насъ на высоту того первобытнаго величія, съ котораго мы низпали? *Скорѣе, конечно, воіонялиши перелитиши свою кожу и рысь пестрыя платна свои, чѣмъ кривое само собою исправится въ нашей природѣ* (Іер. 13, 23. Евкл. 1, 15), потому-что, по словамъ апостола Іакова, *не течетъ изъ одного отверстія источника и сладкая и горькая вода и соленый источникъ не можетъ изливать сладкую воду* (Іак. 3, 12). Каково дерево, таковы и плоды: *дерево доброе плоды добры творитъ, а дерево злое плоды злы творитъ* (Матѣ. 7, 17).

Правда, что въ человекѣ и по паденіи не изгладился образъ Божій, по которому онъ созданъ для истины и правды (Ефес. 4, 24). Есть въ глубинѣ нашего сердца голосъ, который прямо и безыскусственно вѣщаетъ намъ

объ истинѣ, правотѣ и счастіи: это голосъ внутренняго чувства, „установленіе нашей души, по самой природѣ—христіанской“⁽¹⁾. Въ важнѣйшіи истины: бытіе Бога, безсмертіе души, нравственныя предписанія—эти истины возвышаются намъ въ живомъ чувствѣ гораздо прежде, чѣмъ успѣемъ познать ихъ разумомъ. Даже въ бѣдственные минуты сомнѣнія, когда все вокругъ насъ, надъ нами и въ насъ самихъ готово обрушиться, даже и въ эти минуты, чувство остается вѣрнымъ стражемъ вѣроныхъ ему сокровищъ. Какъ небесный гость оно посѣщаетъ насъ тогда и, приведши въ гармонию все силы душевныя, опять скрывается. Но уже потому самому, что въ чувствѣ все дается намъ первоначально, дается въ смѣланномъ и безразличномъ видѣ, что оно перѣдко возмущается движеніемъ страстей,—чувство, какъ чувство, не можетъ быть вѣрнымъ средствомъ и порукою въ дѣлѣ религіи. Не свидѣтельствуетъ-ли намъ и опытъ, что человекъ можетъ иногда и прекрасно чувствовать, можетъ имѣть доброе сердце и, при всемъ томъ, поступать, какъ часто и бываешь, очень худо?

Есть у насъ, впрочемъ, способность переводить темный языкъ чувства на языкъ понятій: мы говоримъ о разумѣ, тѣмномъ зеркалѣ истины. Но суровость требуетъ замѣтить, что сколь ни высоко зданіе понятій, построеннаго разумомъ, а все еще оно далеко недостаетъ до неба,—до того Единого, въ Которомъ заключено все. Притомъ извѣстно по опыту, что въ глубинѣ сердца, по-крайней-мѣрѣ, безопасно покоится религіозное чувство, подобно перлу драгоцѣнному, лежащему на днѣ морскомъ. Не то бываешь, когда оно переходитъ въ область разсудка: подвергая изслѣдованію это чувство и не будучи въ состояніи обнять его полноты своимъ ограниченнымъ взглядомъ,—разсудокъ перѣдко видоизмѣняетъ и преобразовываетъ его по своему. Отсюда противорѣчіе мнѣній, касательно однихъ и тѣхъ-же предметовъ религіи, противорѣчіе, перѣдко оканчивающееся тѣмъ, что разсудокъ остается одинъ на печально-опустѣломъ поприщѣ сознанія. Критическія опыты Шцедрона и Капта вполнѣ доказали: чего можно ожидать религіи отъ этой способности. „Какъ жаль, говоритъ Тертуліанъ, что Аристотель изобрѣлъ діалектику и—искусство спорить, равно способное и доказывать и опровергать: это пастоящій Протей въ своихъ системахъ, весьма странный и въ

(1) См. Апол. Тертул. въ 17 гл. *testimonium animae, naturaliter Christianaе.*

догадкахъ и въ выборѣ предметовъ, противорѣчацій самому себѣ и непре-
станно разрушающей то, что творить“ (1).

Припомнимъ однако-же, что въ душѣ нашей есть и гораздо высшая спо-
собность, сохранившая въ себѣ стремленіе къ истинѣ (Рим. 1, 19): это —
разумъ. Быстры и высрени его полеты; размѣры велики; потребности не-
ограниченны. Но чтобы разумъ человѣческій, безъ руководства откровенной
религии, могъ, при своей ограниченности, привести къ верховной истинѣ, для
этого, при всей своей прозорливости и здравомъ сужденіи, онъ долженъ быть
свободенъ отъ всѣхъ предразсудковъ и имѣть неутомимое вниманіе и рев-
ность; тогда только позрится въ немъ святой образъ истины, подобно тому,
какъ на гладкой поверхности воды отражается солнце. Но кто изъ смерт-
ныхъ, имѣлъ постоянно и умъ свѣтлый и сердце, въполнѣ проникнутое любо-
вію къ истинѣ? Многіе-ли даже обращаютъ вниманіе на то, чтобы имѣть
Господа Бога въ своемъ разумѣ (Рим. 1, 28). и, что всего хуже, не боль-
шая-ли часть людей водится разумомъ, будучи не въ состояніи дать
себѣ отчетъ въ вѣщахъ даже обыкновенныхъ? Мало-ли и такихъ, которыхъ
душа, занимаясь земнымъ, житейскимъ, тлѣннымъ, наконецъ, и сама земле-
нѣтъ и исполняется крушенія и суетности? Не съ молокомъ-ли матери вѣ-
мы всасываемъ заблужденія?

Но положимъ, что разумъ, рано или поздно, представилъ-бы человѣку
основательную систему религии: и тогда онъ удовлетворилъ-бы только одну
изъ потребностей нашей духовной природы. Чѣмъ-же удовлетворить онъ дру-
тому, не менѣе настоятельному требованію нашей души: чувству виновности
предъ Богомъ, по которому, и узнавъ путь въ лоно Отца небеснаго, грѣш-
никъ не осмѣлился-бы идти къ своей вождѣльной цѣли? Дѣйствуя подъ
вліяніемъ свободы, давно уже преступившей свои границы, разумъ самъ со-
бою не можетъ достигнуть той высоты, чтобы достигнуть и усвоить себѣ одну
изъ сокровѣннѣйшихъ тайнъ Божіихъ (1 Кор. 2, 7. 8. 9; 1 Петр. 6, 2).
Онъ въ этомъ случаѣ подобенъ тому левиту и священнику, которые, увидѣвъ
человѣка, обнаженнаго и израненнаго разбойниками, подошли къ нему, по-
смотрѣли и, не оказавъ ему помощи, прошли мимо (Лук. 10, 30—38).

Такое состояніе разума въ человѣкѣ ясно показываетъ, какъ должна быть
слаба наша воля. И дѣйствительно, отторгнись отъ воли Божіей и стоя подъ
руководствомъ склоннаго къ заблужденіямъ этого вождя, она потеряла свое

(1) Смотри. Апост. Тертул. въ 17 гл. 16.

истинное направлѣніе и посетитъ теперь по безднамъ творенія, не зная, гдѣ остановиться; хотѣла-бы все подчинить себѣ, и, вмѣсто того, сама подчиняется всему; идетъ вопреки порядку природы и тѣмъ дѣйствуетъ на погибель себѣ и другимъ. Подъ тяжестью этого бѣдствія стонутъ всѣ грѣшники, представляющіе изъ себя жалкихъ рабовъ чувственности. Кто-же освободитъ нашу волю отъ склонности къ злу, отъ преобладанія чувствъ и страстей? Добродѣтель сама по себѣ предполагаетъ побѣду; но какъ трудна эта побѣда въ человѣкѣ не облагодатствованномъ, въ которомъ плоть господствуетъ надъ духомъ, въ волѣ котораго не живетъ добро, а зло живетъ и дѣйствуетъ непрестанно и сильно? Кто-же поддержитъ человѣка въ столь неравной борьбѣ со грѣхомъ? Кто поможетъ ему вознестись надъ самимъ собою? — Свѣтъ естественныхъ познаній? Но онъ никогда почти не согрѣваетъ сердца: видитъ истину и сокрываетъ ее въ неправдѣ. Чувство красоты, добродѣтели и отвращенія къ пороку? Но это благородное чувство, въ естественномъ человѣкѣ, какъ искра, тѣвущая въ льдѣ, мало имѣетъ силы и подавляется страстями. *Соуслаждаюся бо, говоритъ апостоль Павелъ, Закоу Божию во внутреннему человеку: вижу-же илѣ законѣ во удѣхъ моихъ, противостоящѣ закоу зми моего, и палляющѣ мѣ закономъ грѣховнымъ, сущемъ во удѣхъ моихъ* [Рим. 7, 18—19; 22, 23]. Совѣтъ, оправдывающая человѣка за добро, и осуждающая за зло? Дѣйствительно, какъ искра въ кремнѣ, она таетъ въ душѣ даже отъвлеченнаго злодѣя. Но что значить голосъ ея, въ жару сильной страсти, тамъ, гдѣ идетъ дѣло о нашей чести и славѣ, гдѣ нашей добродѣтели угрожаетъ несчастіе, а порокъ вѣпчается? Что значить ея голосъ, когда надобно идти наперекоръ духу времени, сопровождаемому нерѣдко разными родами нечестія, которыя, подобно тѣнямъ, приходятъ и преходятъ, вопреки духу того или другаго народа, того или другаго сословія; что значить, говорю, ея голосъ при встрѣчѣ съ этими, всегда болѣе или менѣе враждебными духами по отношенію къ религіи? При томъ, не всегда-ли помощна, а нерѣдко и *сожжена*, бываетъ *совѣсть* у людей не возрожденныхъ [1 Тим. 4, 2]?

Сильно, правда, можетъ трогать душу и располагать къ добродѣтели мысль о воздѣ-присутствіи верховнаго Законодателя и предчувствіе тѣхъ наградъ, или наказаній, какія ожидаютъ насъ за могилдой. Но какъ разумъ имѣетъ только общія понятія о наградахъ и наказаніяхъ въ будущей жизни и не въ состояніи опредѣлить: вѣчны-ли эти награды и наказанія, или только

временныя; то при сильномъ влеченіи ко грѣхамъ, они теряютъ всю почти силу надъ волею. Кто-же укрѣпитъ человѣка въ добрѣ, требующемъ подвига, непріятнаго для чувственности, и научить гнупаться *запинающимъ насъ грѣхомъ* [Евр. 12, 1], если ни разумъ, побуждающій его къ добродѣтели, ни совѣтъ, обличающій за порокъ,—не имѣютъ надъ нимъ силы [Рим. 7, 14—15]? Откровенная религія указываетъ слабому на *Начальника и Совершителя нашей вѣры Исуса* [Евр. 12, 2], *могущаго спострадати немощамъ нашимъ* [Евр. 4, 15], на цѣлый сонмъ праведниковъ, подобно звѣздамъ небесной тверди, сіяющимъ разными добродѣтелями; выходитъ на встрѣчу изнемогающей вѣрѣ и добродѣтели съ богослуженіемъ и таинствами, съ постановленіями и законами, простирающимися не только на дѣла, но и на мысли сердечныя и, укрѣпивъ его такимъ образомъ силою Божию, содѣлываетъ *иго его благимъ и бремя его легкимъ* [Матѣ. 11, 30]. Но ни примѣровъ таковыхъ, ни богослуженія, ни таинства съ отradio утѣшительнымъ догматомъ объ Искупителѣ, естественная религія не представляетъ и чрезъ то необходимо останавливаетъ въ человѣкѣ развитіе духовной жизни, подобно той жестокосердой матери, которая, съ минуты рожденія, оставляетъ плодъ своего чрева безъ крова и щипца...

Говорятъ, что родъ человѣческой, какъ и каждый человѣкъ, не есть неподвижное и чуждое переменѣ цѣлое: уже самое понятіе о жизни заключаетъ въ себѣ понятіе о движеніи,—и исторія свидѣтельствуетъ, что съ каждымъ столѣтіемъ все болѣе и болѣе оны развивается въ своихъ силахъ: разумъ зрѣетъ, науки и искусства усовершеняются, общества человѣческія растутъ и укрѣпляются. При всемъ томъ, справедливость требуетъ сказать, что старшій, ранѣе созрѣвшій народъ, не всегда бываетъ учителемъ слѣдующаго за нимъ поколѣнія. Молодое племя часто должно приниматься за свое дѣло, такъ сказать, съ самаго начала и проходить весь процессъ развитія, не смотря на то, что прежній народъ, по мѣрѣ силъ и способностей, давно уже кончилъ свой путь. Присматриваясь ближе, наприм., къ умственнымъ напряженіямъ въ средніе вѣка, невольно удивляемся съ перваго взгляда, зачѣмъ это западная Европа съ такимъ трудомъ добивалась, съ такими усиліями допытывалась до первыхъ началъ знанія, когда болѣе пятнадцати вѣковъ тому назадъ уже жили Платонъ, Аристотель, Теофрастъ, Фукидидъ и др. великіе гении греческаго народа? Нашу образованность никакъ нельзя назвать развитіемъ и продолженіемъ образованности только древнихъ: новая эпоха взяла

для своего храма лишь несколько камней паз развалинагося храма древности; она выстроила себѣ новый храмъ и строила его почти съ фундамента. Новое челоуѣчество достигло постоянной степени своей образованности по многимъ окольнымъ путямъ; процессъ развитія его былъ длинный, утомительный⁽¹⁾. Разсмотрѣвъ всю сумму образованія своей эпохи, съ строгою критикою, Ваконъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: „кто читалъ со вниманіемъ, говорить оныя, ученныя книги, тому часто приходилось повторять одно и то же, только въ различныхъ выраженіяхъ: на первый взглядъ тутъ очень много, а на самомъ дѣлѣ весьма мало⁽²⁾“. Познаніе наши почти все отъ грековъ⁽³⁾; нужно совершенно отчаться въ изслѣдованіи истины, если мы останемся при этомъ скудномъ наследствѣ⁽⁴⁾. „Съ другой стороны, свою-ли силою производить челоуѣкъ лучшее на землѣ? Не христіанство-ли, источникъ и хранитель нравственной жизни, своимъ благотворнымъ вліаніемъ приводитъ теперь все въ равновѣсіе, сообщая мощную силу челоуѣческой немощи? Что представлялъ Римъ, Афины во дни Августа, Перикла, въ вѣкъ славы и блеска, безъ христіанства? Какое и теперь представляютъ зрѣлище, не говори о язычествующихъ и магометанскихъ народахъ, блуждающихъ во тьмѣ и сѣни смертной и быстро склоняющихся къ паденію; — даже самыя образованныя изъ государствъ, но скудныя духомъ истинной вѣры Христовой? Но хаосъ-ли и то грозное бореио враждебныхъ силъ, за которымъ слѣдуетъ скорбь и тѣснота, горе и гибель? „Мы живемъ, говорятъ одинъ изъ современныхъ намъ писателей Франціи, во время всеобщаго и глубокаго кризиса европейской цивилизаціи и христіанскаго міра. Истины и заблужденія всякаго рода брошены, какъ ни-попало, въ пламябующее горнило нашего вѣка и клокочутъ тамъ въ ужасномъ смѣшеніи. Божественная истина, духъ христіанства борется съ духомъ міра, съ духомъ язычества, вездѣ, — и въ глубинѣ совѣсти каждаго, и въ семейныхъ жилищахъ, и въ народныхъ собраніяхъ и при алтаряхъ святилищъ, и въ общественной жизни народовъ и челоуѣчества. Легкомысленно и поверхностно судить тѣ, которые думаютъ, что борьба идетъ только на поверхности, которые видятъ

(1) См. въ 1 кн. Русск. Вѣстникъ, за 1859 г. статью г. Хвольсона: памятники древней вавилонской письменности.

(2) Praef. Nov. organ.

(3) N. org. 1. Aph. 8.

(4) N. org. Aph. 71.

туть одно столкновение матеріальныхъ выгодъ, политическихъ интригъ, лихо-радного честолюбія, — и ничего не видятъ далѣе вопросовъ политической экономіи, труда рабочихъ, воспитанія, общественнаго устройства, а всю заботливость свою сосредоточиваютъ только на вѣщности, — на тѣлѣ, на собственности, на обществѣ, на интересахъ земной жизни. Съ умомъ мыслящимъ и сердцемъ неиспорченнымъ, какъ не понять, что зло сильно и глубоко; что оно господствуетъ внутри, перепутало самыя начала производить опустошенія въ самомъ средоточіи внутренней жизни — въ дунѣ, распространя тамъ мракъ, унижающій насъ до состоянія безсловесныхъ, подрывая тамъ самыя благородныя убѣжденія, ослабляя самыя живыя чувствованія, закрывая святость долга и возбуждая гордое сознаніе права, воспламеня пожеланія, однимъ словомъ — отрубая змѣи и связуя ангела!! Чего ни дѣлали для уврачеванія недуговъ нашего времени? Административныя мѣры всякаго рода, новыя законы, новыя формы правленія, сила, страхъ, новыя способы образованія, огромныя труды промышленности, гражданскія реформы, народное представительство, цѣля революціи — все приводимо было въ дѣйствіе!.. Употребляли въ дѣло — славу, деспотизмъ, свободу, матеріальное благоденствіе. Проповѣдывали сепуализмъ, спиритуализмъ, еклектизмъ; — разрабатывали литературу, науку, искусства; провозгласили атеизмъ, филантропію, деизмъ, господство и свободу вѣроисповѣданій!.. При всемъ этомъ, наши раны ужаснѣе, чѣмъ когда нибудь!.. Откуда же придетъ наше спасеніе? Отъ вѣры, отъ жизни по вѣрѣ! Человѣкъ, у котораго ни въ сердцѣ, ни въ умѣ, ни въ волѣ, нѣтъ Бога, къ чему прильпнуть, какъ не къ дикому произволу гордаго, ненавидящаго, наглаго эгоизма, который самъ для себя бываетъ средоточіемъ и богомъ!..⁽¹⁾

Итакъ, чтобы человѣчество въ цѣломъ, или въ частяхъ, достигло когда либо возможнаго совершенства въ будущемъ, надобно, чтобы указанъ былъ къ тому истинный путь, а не путь естественной религіи, пролегающій по зыбкой и бесплодной почвѣ поврежденной нашей природы, въ составъ которой входятъ теперь два противоположныя начала, или, по выраженію, св. Апостола, закона: законъ грѣха и законъ Божій (Рим. 7, 22—23). Такъ-какъ оба эти начала развиваются теперь вмѣстѣ съ развитіемъ жизни челоѣка и челоѣчества, при видимомъ перевѣсѣ зла (Рим. 7, 14—21), обращающаго

(1) *Essence du Christianisme, traduit de l'allemand, sur la troisieme edition par Sarelenuex Preface. p. XIV—XVII. Спес. 2 номеръ Дух. Вѣстд. за 1858 г.*

въ органъ служенія себѣ умъ и волю человека падшаго: то ясно, что избавить человека отъ этого закона грѣховнаго не можетъ никакой процессъ развитія человечества, безъ благодатныхъ даровъ и средствъ, предлагаемыхъ откровенною религіею. Только при содѣйствіи послѣдней, въ ибдрахъ св. православной церкви, можетъ *совершенъ* быть *Божій человекъ и на всяко дѣло благое уготованъ*. (2 Тим. 3, 17).

Епископъ Герасимъ.

Разныя Извѣстія.

Миссіонерская дѣятельность по обращенію калмыковъ въ Астраханской епархіи⁽¹⁾.

Усиленная въ послѣдніе годы миссіонерская дѣятельность въ Астраханской епархіи начинаетъ приносить желаемые плоды. Въ отчетномъ году тамъ просвѣщено върью Христовою 390 калмыковъ обоаго пола, — что по сравненію съ прежними, почти всегда одиночными обращеніями калмыковъ къ христіанству, представляетъ явленіе замѣчательное. Наиболье замѣчальнымъ успѣхомъ христіанскаго проповѣдь сопровождалась въ Малодербетевской степи, куда командированы были два миссіонера — іеромонахи Гавріиль и Анатолій. Здѣсь, именно въ урочищѣ Нойнѣ-Ширѣ-Вислурту, приняли христіанство 273 калмыка (90 кибитокъ) и въ томъ числѣ одинъ гецюль, 23 лѣтъ, находившійся при Ильдючиновомъ большомъ хорулѣ. Такому успѣху евангельской проповѣди, по отзыву пресвященнаго Астраханскаго, способствовало между прочимъ и то обстоятельство, что неоднократныя ходатайства астраханскаго комитета миссіонерскаго общества предъ правительствомъ объ отводѣ земель для осѣдлаго поселенія крещенныхъ калмыковъ были, наконецъ, удовлетворены и для поселенія ихъ положено отводить земли отдѣльно отъ ихъ единоплеменниковъ-язычниковъ. Съ приведеніемъ въ исполненіе этой мѣры, польза которой давно уже сознавались епархіальнымъ начальствомъ и мѣстнымъ комитетомъ миссіонерскаго общества, калмыки, по принятіи христіанства, освобождаются отъ всякаго вліянія на нихъ инородческихъ язычествующихъ властей, а этимъ устраняется одно изъ препятствій къ распространенію между ними христіанства. Получивъ свѣдѣніе объ обращеніи къ свѣту истинной вѣры

(1) Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета Оберъ-Прокурора Святейшаго Синода по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1877 годъ.